В160 828

Из книг Петрова П. В.

Проф. А. А. Царевскій.

Россійскіе Императоры-Самодержцы

третьяго столѣтія

царственнаго рода Романовыхъ

(XIX вѣкъ).

Читано на торжественномъ юбилейномъ вечерѣ, 21 февраля 1913 г., въ залѣ Казанскаго Военнаго Училища.

КАЗАНЬ.
Центральная типографія.
1913.

3в Н 8841

Сочиненія и изданія А. А. Царевскаго:

1) **Посошковъ и его сочиненія.** Историко-критическій обзоръ сочиненій Посошкова изданныхъ и неизданныхъ. Москва. 1883 г. Ц. 2 р.

2) **И. Т. Посошковъ въ исторіи русскаго прогресса.** Спб. 1883 г.

3) **„Зеркало очевидное“** (Памятникъ русской полемической литературы начала XVIII стол.). Литературный очеркъ. Казань. 1883 г.

4) **Значеніе просвѣтительныхъ трудовъ св. Кирилла и Меѳодія въ славянорусской жизни и исторіи.** Казань. 1885 г.

5) **Пергаменный списокъ евангелія XIII—XIV ст.** Палеографико-филологическое изслѣдованіе памятника въ связи съ общею характеристикою рукописей русской редакціи. Казань. 1890 г. Ц. 70 к.

6) **Св. Іоаннъ Дамаскинъ, какъ православный богословъ и церковный христіанскій пѣснопѣвецъ.** Изданіе второе. К. 1901 г. Ц. 30 к.

7) **Святая четыредесятница.** Историко-литургическій очеркъ. К. 1891 г.

8) **О христіанской обязанности помогать бѣдствующимъ.** Казань. 1892 г. Ц. 40 к.

9) **Крестъ Христа и крестъ въ жизни всякаго христіанина.** 1892 г. Публичная лекція.

10) **Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея въ Казанской Духовной Академіи.** 1893 г. Ц. 40 к.

11) **Пятидесятилѣтній юбилей Казанской Духовной Академіи (21 сентября 1892 г.).** 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

12) **Два дня въ Саровѣ.** Очеркъ изъ каникулярныхъ наблюденій и впечатлѣній. Изданіе второе. К. 1901 г. Ц. 30 к.

13) **Саровская пустынь въ ея прошломъ и настоящемъ.** Очеркъ. К. 1893 г.

14) **По поводу славянскаго празднества въ Черногоріи.** (400-лѣтіе православно-славянскаго кириллическаго книгопечатанія). К. 1893 г. Ц. 30 к.

В 160
8928

Из книг Петров П. В.

Проф. А. А. Царевскій.

Россійскіе Императоры-Самодержцы третьяго столѣтія царственнаго рода Романовыхъ (XIX вѣкъ).

Читано на торжественномъ юбилейномъ вечерѣ, 21 февраля 1913 г., въ залѣ Казанскаго Военнаго Училища.

КАЗАНЬ.
Центральная типографія.
1913.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи, Епископъ *Анастасій*.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
М
778807 V

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Правосл. Собесѣдникъ“
за 1913 годъ.

Граждане земли Русской, вѣрные и честные сыны нашего могучаго и славнаго, родного и любимаго Отечества! Сегодня мы переживаемъ радостный, праздничный день великаго патріотическаго торжества. Многомилліонная, исполинская Россія вспоминаетъ достопамятные незабвенные дни, когда впервые взошла надъ Русской землею та мощная сила, что спасла нашу родину отъ грозившаго ей разложенія, сплотила, скрѣпила ее и создала ей счастье и величіе.

Съ сердцемъ, преисполненнымъ благодарныхъ чувствъ, люди русскіе славословятъ нынѣ *трехсотлѣтіе* царствованія благословеннаго рода Романовыхъ. Быть можетъ не столько разумомъ понимаетъ, сколько сердцемъ чувствуетъ міръ-народъ русскій, что, всей землей избранные и Богомъ благословенные, Самодержцы-Романовы явились якоремъ спасенія и стали залогомъ благоденствія Россіи, что это, такъ сказать, нашъ талисманъ, съ которымъ связано существованіе Россіи. Еслибъ, волею судебъ, отечество наше лишилось этого талисмана, то настали бы послѣдніе дни Россіи: тогда она стала бы беззащитной добычею властолюбцевъ и корыстолюбцевъ, для которыхъ власть—не подвигъ, какъ для вѣнценоснаго помазанника Божія, а только средство использовать наслажденія власти и богатства. Вотъ почему все необъятное море тѣхъ русскихъ людей, которые не стремятся извлечь выгодъ изъ

смутъ и неурядицъ, которые не ждутъ, какъ воронъ трупа, распаденія Россіи, которые любятъ ее, какъ сынъ любитъ мать родную,—дрожатъ за этотъ свой талисманъ, за это родное сокровище и такъ беззавѣтно, такъ преданно любятъ своихъ вѣнценосцевъ. Вотъ почему и сегодня вся Русь буквально дрогнула въ радостномъ восторгѣ, по поводу исполнившагося трехсотлѣтія царствованія Романовыхъ. Юбилей Романовскій развернулся въ огромное событіе, въ величественную патріотическую демонстрацію, выражаясь моднымъ, но, къ сожалѣнію, опошленнымъ словомъ. Праздникъ нынѣшній есть дѣйствительно грандіозная демонстрація, т. е. проявленіе стихійной воли всенародной, величественный патріотическій порывъ, порывъ искренній, неподдѣльный и мощный, какъ землетрясеніе, порывъ, захватившій и наэлектризовавшій всю массу народную, поднявшій въ этой массѣ титаническій размахъ національныхъ, патріотическихъ чувствъ. Въ настоящемъ торжествѣ нашемъ нѣтъ никакого разногласія, разномыслія, нѣтъ никакихъ крайнихъ элементовъ, ни такъ называемыхъ лѣвыхъ, ни правыхъ, которыхъ шумная возня подчасъ заслоняетъ въ русскихъ людяхъ истовые-то и исконные наши взгляды, убѣжденія и идеалы. Нынѣ поднялась, во весь свой могучій ростъ и силу объявилась подлинная, натуральная Россія, которой иногда приходится обороняться отъ благодѣтелей слѣва и справа; нынѣ обнаруживается наличіе въ Россіи страшно широкой и чистой, какъ океанъ, стихіи—трезваго, здравомыслящаго, умнаго и понимающаго свое положеніе вообще народа русскаго. Въ громовыхъ крикахъ толпы народной, оглашающихъ нынѣ, безъ сомнѣнія, всю Русь, слышится неискоренимый, такъ сказать, материкъ любви къ царямъ своимъ, титаническая сила патріотизма русскаго, чувствуется именно сила, вдохновеніе народное, ощущается жизнь,—большая жизнь большого народа. Это живетъ и чувствуетъ настоящая, непоколебимая никакими вліяніями и партіями Россія, великая народность великихъ царей-богатырей, въ родѣ Петра Великаго и ему подобныхъ его преемниковъ. Мы справляемъ нынѣ не казенное, какое-либо оффиціаль-

ное торжество, нѣтъ, неизмѣримо больше и величавѣе того: мы празднуемъ торжество нашего *національнаго самосознанія*, торжество неподдѣльнаго и искренняго, бурнаго, и кипучаго патріотическаго одушевленія, торжество нетронутой, къ счастью, никакими тлетворными вліяніями, живой и живучей, во всей своей исконной красотѣ на весь міръ Божій извѣстной и славной, *любви* народа русскаго къ своимъ государямъ.

Воскрешая славнѣйшую эпоху прошлаго Россіи, настоящій юбилей какъ бы сближаетъ насъ съ великими дѣятелями нашей исторіи. Бурнымъ потокомъ хлынули на насъ воспоминанья о многомъ и многомъ, что пережило и чѣмъ еще живетъ наше отечество. Возстаютъ въ сознаніи священные для русскаго человѣка образы великихъ и славныхъ Государей нашихъ. Есть тутъ общепризнанные, всесвѣтно и всемірно такъ и нареченные „великіе“ воители и завоеватели, есть и не меньше того великіе и дорогіе для отчизны нашей, кроткіе и благостнѣйшіе мира и счастья народнаго созидатели и устроители. Возстаютъ въ памяти всѣ они—истинные радѣтели Россіи, благочестивые Помазанники Божіи, никогда и ничего безъ благословенія Божія не начинавшіе, никогда и ничего вопреки интересамъ страны и народа не совершавшіе. Можетъ быть есть большая разница между ними—воителями и миротворцами, но всѣхъ ихъ объединяетъ несомнѣнное и великое сходство: единство всѣхъ помысловъ и стремленій, усилій и дѣяній ко благу державы Россійской. Разные пути Господь указалъ имъ, но единую цѣль—счастье родины и всѣхъ насъ, сыновъ ея. Къ достиженію этой цѣли честно и свято всѣ они направляли труды и заботы свои, прилагали къ тому всю душу свою, ради того нѣкоторые жизнью своею пожертвовали.

На мою долю выпало вести рѣчь о третьемъ столѣтіи царствованія благословеннаго рода Романовыхъ. Я не историкъ и потому не взялся бы излагать подробную, детальную картину жизнедѣятельности Россійскихъ Императоровъ; но вѣдь въ этой жизнедѣятельности ихъ и въ самой личности каждаго изъ нихъ такъ много поистинѣ ве-

ликаго, дорогого и всему міру явнаго, очевиднаго, что и не нужно быть историкомъ,—достаточно быть просто русскимъ человѣкомъ, объективнымъ созерцателемъ бывшаго. Отнюдь не желаю утомлять и чрезъ то расхолаживать нашего праздничнаго нынѣ настроенія, а потому изъ всей грандіозной, необъятнаго величія, содержательности и значенія исторіи Романовской по необходимости ограничусь только самыми краткими и самыми общими впечатлѣніями, воспоминаніями, характеристиками. Притомъ, сегодня, въ день какъ разъ сомкнувшагося трехсотлѣтія, какъ не помянуть, хотя бы нѣсколькими только, немногими словами, всю эту величавославную исторію Романовскую съ самаго ея начала?!

21-е февраля 1613 г.—это великая въ исторіи Россіи грань, отдѣляющая и, такъ сказать, покрывшая собою самыя мрачныя, самыя страшныя страницы русской исторіи. То была эпоха безпримѣрныхъ волненій внутреннихъ и опасностей внѣшнихъ,—*смутное время,* время самозванцевъ, такъ и названное *лихолѣтье,* когда все самое святое, дорогое, завѣтное на Руси—народность, государственность, вѣра Православная—были въ крайней роковой опасности, когда, казалось, пробилъ послѣдній часъ для Россіи. Но, милостію Божіею, она не погибла, она нашла выходъ изъ отчаяннаго положенія, нашла себѣ спасеніе: по указанію еще величайшаго патріота русскаго, замученнаго врагами, патріарха Гермогена, русскій народъ избралъ на престолъ Московскій Михаила Ѳеодоровича Романова. На юнаго и чистаго предъ Богомъ и людьми Царя возложилъ народъ всѣ свои надежды и, еще до вѣнчанія его на царство, уже доказалъ—безсмертнымъ подвигомъ Сусанина—свою любовь къ новому роду царей своихъ. Свѣтлой и спасительной зарею взошелъ надъ Русью благословенный домъ Романовыхъ. Ужъ именно, какъ говорятъ, душа загорается и грудь поднимается отъ прилива чувствъ патріотическихъ, при общемъ взглядѣ на то, что̀ принесли Россіи, что̀ сдѣлали изъ Россіи и для Россіи Романовы! Чѣмъ только ни обязано отечество наше, примѣрно, Петру Великому, Екатеринѣ II,

Александру Благословенному, Александру II да и всѣмъ прочимъ, этимъ великимъ свѣтиламъ нашего сумрачнаго сѣвера! Бросая взоръ свой на всѣ три Романовскихъ столѣтія, просто поражаешься и исполняешься благовѣніемъ, предъ величественнымъ, стройнымъ ходомъ историческихъ событій.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича было эпохой успокоенія и возстановленія Россіи, возрожденія ея силъ, потраченныхъ въ утомительной борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами въ смутное время самозванцевъ и лихолѣтья русскаго. Ниспровергнутый предъ тѣмъ порядокъ, законность и миръ были возстановлены, и—Россія стала годною для колоссальныхъ реформъ Петра.

Петръ Великій!—кто только на свѣтѣ не воздалъ ему дани удивленія, кто не преклоняется предъ его великимъ геніемъ! По риторическому, но въ сущности вѣрному опредѣленію нашего историка Устрялова, Петръ взошелъ, какъ солнце, надъ Россіею и все въ ней „согрѣлъ, оживилъ, оплодотворилъ". А другой, подобный Петру геній земли русской, Ломоносовъ, созерцая великія дѣянія Великаго Петра, въ изумленіи и восторгѣ воскликнулъ: „Россія, онъ—твой богъ"! Яркой печатью самобытнаго генія отмѣтила природа дышавшее грозной красотой чело Петра. Въ образѣ этого Царя-исполина цѣликомъ отлился весь самобытный обликъ русскаго народа, всѣ специфическія его свойства и качества. Непоколебимая вѣра, несокрушимый духъ, обширный, смѣтливый, гибкій умъ, неутолимая энергія, поразительная трудоспособность, ненасытная любознательность, непреклонная, желѣзная воля, пылкая, страстная и подчасъ даже очень увлекающаяся широкая натура—вотъ личныя свойства Петра и все это, вѣдь, суть исконные элементы именно русскаго генія, нашего русскаго національнаго типа. Если въ *человѣкѣ*-Петрѣ воплотились племенныя свойства и національный геній русскій, то, съ другой стороны, въ *Императорѣ*-Петрѣ нашло себѣ самое характерное и яркое выраженіе наше русское самодержавіе, насколько и чѣмъ оно отли-

чается отъ абсолютизма западныхъ монарховъ. „Государство—это я“, говорилъ король, какъ его называли, „солнце Франціи“, Людовикъ XIV. „Имперія—это я“, повторилъ великій кумиръ запада Наполеонъ. И такъ болѣе или менѣе всѣ великіе короли - полководцы, какъ напримѣръ Карлъ XII и др.,—всѣ они прежде всего искали своей личной славы, у всѣхъ нихъ на первомъ планѣ было свое „я“. И взгляните теперь на величайшаго русскаго самодержца, Императора Петра: „Была бы жива Россія въ благоденствіи и славѣ, говоритъ онъ: а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога“. И мы отлично знаемъ, что это вовсе не была красивая въ устахъ его фраза: вѣчный работникъ на тронѣ, всей жизнью Петръ доказалъ, что весь онъ, дѣйствительно, отдался и принадлежалъ Россіи, каждое біеніе сердца его было посвящено Россіи. Бросаясь, напр., въ пылъ Полтавской битвы, онъ несъ жизнь свою за всю Россію такъ же, какъ готовъ былъ отдать ее и за каждаго изъ своихъ подданныхъ, — что и сдѣлалъ дѣйствительно: жизнью своей онъ заплатилъ за спасеніе погибавшихъ матросовъ на Бѣломъ морѣ. „Жизнь за Россію“—таковъ, еще устами Петра Великаго провозглашенный, девизъ русскихъ Самодержцевъ, какъ и девизъ вѣдь всякаго истинно русскаго человѣка—„жизнь за Царя“!

Эпоха Екатерины II явилась какъ естественное завершеніе и восполненіе эпохи петровской. Петръ поднялъ Россію на степень могущественнаго европейскаго государства, Екатерина укрѣпила ее на этой высотѣ. И во внутренней жизни Россіи она упрочила всѣ дѣянія Петра. Реформы его, имѣвшія часто характеръ внѣшній и принудительный для непонимавшаго ихъ тогда народа, получили теперь, благодаря воздѣйствію Екатерины, значеніе внутренняго начала, органически усвоенныхъ и привившихся бытовыхъ принциповъ русской жизни. Кажется, всѣ великія мысли и крупныя предположенія, предпріятія Петра Великаго нашли себѣ отголосокъ въ дѣйствіяхъ Екатерины и вошли, воплотились въ дѣйствительную жизнь. Петръ *образовалъ*, до нѣкоторой степени развилъ русскихъ людей, сообщилъ имъ новыя знанія,

а Екатерина *воспитала* русскихъ людей. „Петръ далъ (Россіи) бытіе, а Екатерина душу“, сказалъ поэтъ. И во внутренней и тѣмъ болѣе во внѣшней жизни тогдашней Россіи ореолъ чего-то исключительно великаго, героическаго, ореолъ несравненнаго блеска и великолѣпія легъ вокругъ имени Екатерины. Окружавшій ее энтузіазмъ народа сдѣлалъ то, что все, что только было въ силахъ человѣческихъ, русскіе люди приложили къ выполненію ея великихъ намѣреній. Суворовъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Панины, Безбородко, Вяземскій, Орловы, Бибиковъ, Рѣпнинъ, Бецкій, Новиковъ, Фонвизинъ, Державинъ и др. — въ разныхъ сферахъ стяжали себѣ славу и память „екатерининскихъ орловъ“, славу, которая долго жила въ Россіи, припоминалась жутко сосѣдямъ Россіи и перешла потомъ не только въ исторію, но и въ поэзію.

Съ царствованіемъ стоящаго на высокомъ побѣдномъ пьедесталѣ, привлекательнаго, величаво-таинственнаго Александра I открылась новая, не менѣе славная эпоха въ жизни нашего отечества. Россія, такъ сказать, выступила изъ своихъ береговъ и сыграла великую всенародную роль; она явилась теперь не только державою европейскою, но посредницею и даже спасительницею прочихъ державъ Европы. Когда всѣ народности гибли подъ гнетомъ деспотическаго генія войны, когда нарушались всюду священнѣйшія законы народнаго права, Александръ I выступилъ ангеломъ-миротворцемъ для всей Европы; послѣ трудной и кровавой борьбы, онъ сокрушилъ грознаго и неумолимаго воителя, приведшаго на Россію „двадесять языкъ“. „Пока русскій императоръ царствуетъ, у меня есть соперникъ; но я буду владыкою міра: осталась одна Россія и я раздавлю ее“, гордо заявилъ Наполеонъ. Но эти запугиванія не смутили Александра; не склонилъ онъ головы предъ страшнымъ и безумно-дерзкимъ врагомъ, ворвавшимся въ самое сердце Россіи: Александръ нашелъ въ себѣ и въ народѣ своемъ неисчерпаемыя силы для борьбы и для побѣды. „Я не такой полководецъ, какъ Наполеонъ, скромно сказалъ русскій Императоръ: но у меня преданный мнѣ народъ, и мы ско-

рѣе умремъ, чѣмъ покоримся". И дѣйствительно: въ вѣрѣ царя въ свой народъ, съ одной стороны, и въ преданности народа царю и отчизнѣ, съ другой стороны, и обрѣла себѣ спасеніе Россія. Изъ поколѣнія въ поколѣніе переходитъ восторженная память о стойкости, съ какою русскій народъ, въ полномъ единеніи съ Государемъ своимъ, отстоялъ отечество отъ опаснѣйшаго изъ всѣхъ, послѣ монгольскаго ига, враговъ своихъ. Такимъ образомъ, съ именемъ Александра I связана эпоха удивительнаго и небывалаго военнаго величія Россіи и неоспоримая ея гегемонія въ Европѣ. Еще современники поднесли своему Государю титулъ „Благословеннаго" и хотѣли поставить ему памятникъ. Но, именно съ русскою скромностію, Александръ рѣшительно не позволилъ этого: „да соорудится мнѣ памятникъ въ сердцахъ народа моего, какъ я благословляю народъ мой въ сердцѣ моемъ", сказалъ Императоръ. Съ не менѣе симпатичною и благородною, истинно русскою скромностію, на медали, выбитой въ память отечественной войны, Александръ повелѣлъ отчеканить знаменательныя слова, усвояющія все во Россіи, и этотъ невѣроятный успѣхъ ея, единому только Богу: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему!"

Съ воцареніемъ Николая I и открывается третье Романовское въ исторіи Россіи столѣтіе. — Когда 25 іюня 1796 г. у Императора Павла родился сынъ Николай, то державная бабка его, Великая Императрица Екатерина II писала: „родился огромнѣйшій мальчикъ. Въ жизнь мою я въ первый разъ вижу такого младенца-*рыцаря*". Такъ, почему-то, словно въ какомъ предвидѣніи, мудрая Екатерина назвала, а потомъ ужъ такъ и прозвала своего внука. Чрезъ полторы недѣли она записала: „рыцарь Николай уже кушаетъ кашку. Это неслыханное дѣло, у всѣхъ руки опускаются отъ удивленія. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза; онъ голову держитъ прямо и поворачиваетъ ее не хуже моего". Этотъ изумительный, такимъ образомъ, съ младенчества „рыцарь Николай" 14 декабря 1825 года сталъ императоромъ Николаемъ. И всей своей жизнью и цар-

ствованіемъ онъ оправдалъ предсказаніе и характеристику мудрой Екатерины: онъ и жилъ и умеръ, дѣйствительно, какъ и принято его называть, Монархомъ-*Рыцаремъ*. Гигантская личность Николая Павловича ярко и выпукло вырисовывается на фонѣ прошлаго Россіи и какъ бы покрываетъ, застѣняетъ собою все то царствованіе,—такъ сказать, подавляетъ всѣхъ и все своею могучестью. Непоколебимый, устойчивый характеръ, сильная воля, цѣльная натура этого Императора сильно дѣйствовали на воображеніе, врѣзались въ память народа и вызвали то обаяніе, съ которымъ блюдется имя Николая I-го въ исторіи. Недаромъ народъ русскій опоэтизировалъ личность Николая I поразительною, какъ ни о комъ еще другомъ, массою анекдотовъ, всевозможныхъ разсказовъ.—Это была, дѣйствительно, цѣльная натура сказочнаго богатыря да, притомъ, съ чисто рыцарскими понятіями о чести, благородствѣ, служеніи долгу. И все царствованіе Николая I было эпохою упроченія, водворенія въ Россіи принциповъ права, порядка, законности. Николай остался вѣренъ себѣ —отъ страшнаго дня 14 декабря 1825 года до своей полной трогательнаго величія кончины 18 февраля 1855 года. Оба эти дня запечатлѣны неизмѣннымъ благородствомъ его души, ни на одно мгновеніе не измѣнившей себѣ, какъ въ день, когда онъ, по его словамъ, вступилъ „на служеніе Россіи", такъ и въ день, когда онъ передалъ обязанность „перваго слуги Россіи" своему наслѣднику.

Рыцарскимъ поведеніемъ Николая Павловича предъ восшествіемъ на престолъ восхищаются всѣ даже недруги его. Дѣйствительно, братья—Константинъ и Николай—взаимно отказываются отъ престола величайшей въ мірѣ монархіи; эта борьба великодушія есть въ своемъ родѣ единственный, безпримѣрный случай. Всесильный призракъ власти русскаго самодержца, въ ту пору почти недосягаемый въ воображеніи, не поколебалъ порядочности и благородства этихъ двухъ великихъ душъ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о кончинѣ Александра I-го, Николай, зная о передачѣ престола ему, но помня основной законъ имперіи о престолонаслѣдіи, немедленно при-

сягаетъ на вѣрность императору Константину. Когда чрезъ нѣсколько мгновеній послѣ того онъ узнаетъ отъ матери, что воля Александра Благословеннаго облечена въ форму письменнаго, безспорнаго и неотмѣннаго акта, онъ все-таки остается вѣренъ присягѣ своей, пока Константинъ открыто и безповоротно не подтвердилъ своего отреченія. Общее недоразумѣніе въ Петербургѣ разрѣшилось тогда, какъ извѣстно, печальнымъ днемъ 14 декабря. И въ этотъ роковой день Николай Павловичъ былъ великолѣпенъ въ своемъ благородномъ спокойствіи и именно рыцарскомъ величіи. На предложеніе представителей иностранныхъ державъ оказать ему поддерку, онъ произнесъ слова, которыя сразу привязали къ нему сердца всѣхъ русскихъ людей: „Не надо! сказалъ онъ: это—наше, домашнее дѣло, въ которое Европѣ нечего мѣшаться". Очевидно, Николая и въ эти бурныя минуты не покидало рыцарское самообладаніе и царственное сознаніе, что онъ—русскій Императоръ и что не должно быть никакого, оскорбительнаго для чести русской, вмѣшательства чужеземцевъ въ „домашнія" дѣла, касающіяся только его и его народа. Но вѣдь подъ личиной этого невозмутимаго хладнокровія, и въ Николаѣ въ этотъ тягостный день, 14 декабря, билось человѣческое же сердце, чувствовавшее весь ужасъ происходившаго; и дѣйствительно, человѣкъ и притомъ человѣкъ добрый, сострадательный, великодушный человѣкъ сказался въ полныхъ жгучей скорби словахъ Николая къ Цесаревичу: Я—императоръ, но Боже мой, какою цѣною: цѣною крови многихъ моихъ подданныхъ!!"

Съ этого дня началось „служеніе Россіи" Императора Николая—согласно его обѣту въ манифестѣ: „жить единственно для любимаго отечества". Его взглядъ на бремя обязанностей, принятыхъ имъ съ короною, трогательно сказался въ словахъ его къ супругѣ: „ну, теперь прошли наши блаженные дни". Самый строгій, самый серьезный взглядъ Николая Павловича на обязанности государя ясно выразился и въ его словахъ матери, которая, привѣтствуя новаго Императора, упомянула о великодушіи Константина: „Я не знаю, сказалъ Николай, — которая

изъ двухъ жертвъ больше: отказаться отъ престола, или принять его".

Во все свое царствованіе Императоръ Николай Павловичъ съ рыцарскимъ постоянствомъ служилъ одной главной идеѣ — идеѣ „законности, долга, права". Ему пришлось царствовать въ смутное и тяжелое время въ Европѣ, время безпрерывныхъ революцій, потрясеній политическихъ основъ. Любившій и знавшій только открытыя, честныя, прямыя средства и выше всего ставившій вѣрность слову, чести, онъ рѣшительно не способенъ былъ на какіе либо уступки власти, компромиссы въ пользу крамольниковъ; все это въ его глазахъ было бы малодушіемъ, измѣною, преступленіемъ. Отсюда вытекала вся неуклонная, такъ и обозванная въ исторіи, „Николаевская система, строгость, суровость". Недаромъ еще при вступленіи на престолъ онъ писалъ Дибичу: „Я напередъ всего честный человѣкъ, а потому предъ Богомъ и отечествомъ чистъ и совѣстью и дѣлами. У меня должно быть все въ порядкѣ, или, иначе, самъ я живъ не останусь". И вотъ эта дилемма—или „все въ порядкѣ", или „лучше не жить" — стала девизомъ всего Николаевскаго царствованія. Убѣжденный законникъ, сторонникъ и поборникъ монархическаго начала, въ тѣ дни потрясенія европейскихъ престоловъ, Императоръ явилъ строгость, а въ то же время и мудрую основательность, благородную возвышенность политическихъ воззрѣній. Онъ глубоко убѣжденъ былъ, что только при монархическомъ и самодержавномъ образѣ правленія Россія можетъ быть велика и могущественна, можетъ имѣть устойчивость и концентрацію всякихъ и всѣхъ силъ своихъ; ибо — при нашихъ необъятныхъ пространствахъ, разноплеменности, русской слабохарактерности, при преступномъ нашемъ равнодушіи къ своимъ интересамъ, всякое торжество разрушительныхъ, разъединяющихъ, революціонныхъ началъ грозило бы Россіи полнымъ распадомъ и гибелью. И, какъ только можно убѣжденно и непреклонно, честно и доблестно, а подчасъ сурово и безпощадно, стоялъ на стражѣ русскаго самодержавія и всѣхъ родныхъ, кровныхъ инте-

ресовъ русской народности, этотъ великой души Императоръ-самодержецъ, Царь-рыцарь!

Еще болѣе возвышаетъ въ нашихъ глазахъ Императора Николая то, что, строгій и неуклонный въ отношеніи законности, порядка и долга, онъ, съ его суровымъ, повелительнымъ и, говорятъ, даже въ трепетъ приводившимъ взглядомъ, былъ необыкновенно великодушный, мягкій, добросердечный человѣкъ. Полный сознанія своей мощи, онъ былъ рыцарски гуманенъ—даже въ отношеніи ко врагамъ своимъ. Какой, напримѣръ, дивный, истинно христіанскимъ великодушіемъ одухотворенный приказъ издалъ онъ войскамъ предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1828 г.: „воины русскіе! Вы пріобрѣли неувядаемую славу не одною храбростію, но и великодушіемъ. Безотвѣтное повиновеніе начальникамъ и милосердіе къ побѣжденнымъ — отличительная черта русскаго ратника. Храните же эту славу. Поражайте строптивыхъ, но щадите безоружныхъ и слабыхъ, щадите достояніе, домы и храмы враговъ. Защитившій сироту, вдовицу, какъ и храбрѣйшій въ бою, одинаково близки моему сердцу“. Напримѣръ, въ отношеніи къ полякамъ, которыхъ считалъ самымъ „неумолимымъ врагомъ Россіи“, Императоръ Николай проявилъ врожденную свою доброту. Когда на разводѣ Преображенскаго полка Государь лично объявилъ войскамъ о мятежѣ въ Варшавѣ 17 ноября 1830 года и солдаты восторженно кричали: „веди насъ противъ мятежниковъ, мы отмстимъ за оскорбленную честь Россіи“, то Николай.... даже заплакалъ!.. Величественнымъ жестомъ онъ остановилъ бурю криковъ и грустно сказалъ: „не всѣ же поляки нарушили клятву. Не нужно допускать ненависти; должно карать зачинщиковъ мятежа, но не слѣдуетъ мстить народу“. Неизмѣнно-благородную душу Императора Николая Павловича больше всего возмущала въ польскомъ возстаніи 1830-го года неблагодарность. „Поляки-мятежники, писалъ Императоръ, должны понести наказаніе за ихъ неблагодарность. Я все сдѣлалъ для нихъ. Что такое была Польша до меня? Она всѣмъ мнѣ обязана: своимъ благосостояніемъ, армією, финан-

сами. Пушки, которыя теперь направляютъ противъ меня, я же послалъ имъ послѣ взятія Варны".

Неблагородные поступки, кѣмъ бы они ни были допущены, вызывали страшное негодованіе Царя-рыцаря. Однажды, нѣкто, носитель крупной княжеской фамиліи, завлекъ скромную дѣвушку въ ловушку и насильно повѣнчалъ ее съ собой. Когда узналъ о томъ Императоръ, пришелъ въ яростный гнѣвъ и воскликнулъ: „вотъ они мужики, украшенные гербами и считающіе себя благородными! какой примѣръ подаютъ они моему народу, во сто разъ болѣе благородному, чѣмъ они! Я раздавлю виновнаго каблукомъ моего сапога!"

Только вотъ этими немногими штрихами я попытался обрисовать *личность* Императора Николая I, — особенно въ виду доселѣ все еще непрояснившагося цѣлаго туманнаго облака самыхъ разнохарактерныхъ сужденій объ этомъ, несомнѣнно, исключительномъ, совсѣмъ недюжинномъ, великомъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ. Но я рѣшительно не имѣю возможности говорить о политической и административной дѣятельности Николая Павловича. А сколько тутъ великаго! Такъ, слѣдовало бы говорить о счастливыхъ Николаевскихъ войнахъ съ Персіею, Турціею, Польшей, Венгріею, о неудачной для Россіи, но однако покрывшей вѣчною славою русскія войска Севастопольской компаніи; о страшномъ холерномъ бунтѣ въ Петербургѣ, укрощенномъ единственно геройскимъ самоотверженіемъ самого Императора (въ 1831 году),—о грандіозномъ дѣлѣ изданія „Свода законовъ Россійской имперіи", о присоединеніи уніатовъ къ господствующей церкви православной, о небываломъ дотолѣ оживленіи и расцвѣтѣ русской науки, русской мысли, искусства и литературы до высоты ихъ европейскаго значенія и состоянія. Ибо вѣдь именно при Николаѣ I засіяло цѣлое созвѣздіе рѣдкихъ, первоклассныхъ талантовъ русскихъ, каковы: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Брюловъ, Бруни и мн. др. Слѣдовало бы говорить о поразительномъ трудолюбіи и работоспособности Императора Николая, который, можно сказать, одинъ несъ на своихъ плечахъ все бремя

государственнаго управленія, такъ что его величественную фигуру мы видимъ рѣшительно вездѣ — и въ комитетѣ министровъ, и на военномъ полѣ, и на сеймѣ польскаго королевства, и на площади среди бунтующей черни, и въ учебныхъ заведеніяхъ, и въ богадѣльняхъ; среди непрестанныхъ военныхъ парадовъ, разводовъ, пріемовъ, смотровъ, засѣданій, разъѣздовъ и т. д.; среди, наконецъ, невѣроятной массы государственныхъ дѣлъ.

Мнѣ хочется отмѣтить еще только одну подробность царствованія Николаевскаго, особенно для насъ здѣсь близкую и знаменательную, именно: нѣжную заботливость Государя о русской арміи, его горячую любовь къ русскому солдату. Потому-то такъ любилъ Николай Павловичъ смотры воинскіе, разводы, парады. Находясь однажды въ Красносельскомъ лагерѣ, онъ сказалъ: „вотъ гдѣ я чувствую себя счастливымъ! Здѣсь—порядокъ, строгость, здѣсь служба, безпрекословное исполненіе долга. А вѣдь вся жизнь человѣческая есть служба, и еслибъ каждый человѣкъ такъ же, какъ солдатъ, честно и безропотно несъ свою службу, какое бы благополучіе, счастіе на землѣ было! Вотъ и я, до самой смерти своей буду, какъ солдатъ, нести свою службу“. Графъ Бенкендорфъ, описывая гвардейскіе маневры, говоритъ о присутствовавшемъ на нихъ Императорѣ Николаѣ: „Государь неутомимъ! Онъ цѣлый день на конѣ, подъ дождемъ, а вечеромъ у бивачнаго огня или въ рядахъ войскъ. А большую часть ночи онъ за государственными дѣлами“. Дѣйствительно, теченіе послѣднихъ нисколько не замедлялось отъ воинскихъ развлеченій Государя съ своими войсками. И эти развлеченія съ войсками составляли, по собственному признанію Императора Николая, истинное для него „наслажденіе“.

Напомню, въ заключеніе, незабвенныя слова изъ духовнаго завѣщанія Николая I, въ которыхъ отразилась его чистая, высоко-благородная душа: „Я умираю съ благодарнымъ ко Господу сердцемъ за всѣ блага, которыми Онъ меня наградилъ. Я умираю съ пламенной любовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ я вѣ-

рой и правдою. Объ одномъ жалѣю, что не смогъ ей принести столько добра, сколько искренно того желалъ". Дѣйствительно, Императоръ Николай Павловичъ, въ мысли своей и въ чувствѣ своемъ, въ своей проницательности, былъ гораздо шире и глубже той программы, которую успѣлъ осуществить: извѣстно, что онъ сознавалъ и необходимость освобожденія крестьянъ, онъ понималъ и принималъ сущность нашего славянофильства, т. е. наши обязанности въ отношеніи къ единокровнымъ съ нами племенамъ славянскимъ; но рѣшительнаго шага въ этихъ направленіяхъ не предпринялъ и оставилъ эти великія задачи своему еще болѣе великому и славному Наслѣднику. Вѣчная благодарная память Царю-рыцарю, помимо всего прочаго, и за этого его Наслѣдника!

Вручая сына своего, цесаревича, Александра Николаевича воспитателю, благороднѣйшему нашему поэту В. А. Жуковскому, Императоръ Николай сказалъ: „Я хочу, чтобы въ сынѣ моемъ воспитался прежде всего *человѣкъ*, а потомъ уже — и государь". Подъ руководствомъ столь мудраго Отца и такого—идеальной чистоты и благородства—воспитателя, да при наличности счастливѣйшихъ богоданныхъ дарованій природныхъ, Александръ Николаевичъ и явилъ въ себѣ потомъ *Царя-человѣка*, въ самомъ высокомъ, самомъ святомъ смыслѣ этого слова.

Трудно себѣ представить болѣе величавую, золотую, и въ тоже время болѣе трогательную, трагическую исторію, какъ исторія Императора Александра II. Въ яркомъ сіяньи нетлѣнной славы возстаетъ предъ умственнымъ взоромъ нашимъ, полная грандіознаго величія, благородства и царственной красоты, личность Государя, творца безчисленныхъ реформъ, открывшихъ новые пути для русской жизни, для русской мысли, для русской мощи,— Государя, запечатлѣвшаго и завершившаго безмѣрное значеніе явленныхъ имъ благодѣяній крестоносной жизнію и мученической кончиною. Если бы начать перечислять всѣ эти благодѣянія Императора Александра II народу русскому и хоть по нѣскольку словъ останавливаться на

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

каждомъ, то я никакъ не кончилъ бы сегодня. Съ великой грустью приходится заявить, что здѣсь, въ разговорѣ объ Александрѣ II, больше чѣмъ гдѣ-либо, я вынужденъ ограничиться нѣсколькими общими только фразами, словами, о несчетныхъ и великихъ дѣлахъ этого величайшаго благодѣтеля нашей отчизны.

Въ основу своего царственнаго подвига Императоръ Александръ II положилъ непоколебимое убѣжденіе, что счастье народа—и духовное и матеріальное—зависитъ отъ всемѣрнаго примѣненія просвѣтительныхъ и гуманныхъ началъ, отъ водворенія и укрѣпленія въ странѣ принциповъ правды, добра и свободнаго труда. Милосерднѣйшій и гуманнѣйшій, Александръ Николаевичъ всѣми силами чистой души своей стремился однѣми лишь благими мѣрами водворить въ Россіи идеальную справедливость, просвѣщеніе, свободу и самодѣятельность. И вотъ началась эта, одна изъ самыхъ блистательныхъ страницъ русской исторіи, вѣнчавшая Александра въ благодарной памяти потомства дивнымъ именемъ „Освободителя". Преобразовательная дѣятельность Царя-Освободителя, дѣйствительно, внесла полное обновленіе и освѣщеніе въ русскую жизнь, устранила старую систему управленія, призвала общественныя силы къ саморазвитію. Во всѣхъ дѣяніяхъ и усиліяхъ Царя-Освободителя лежитъ печать безпредѣльной любви къ народу, какъ отца къ своимъ дѣтямъ, неуклонное стремленіе къ возвышенному идеалу человѣчности. Отъ природы женственно-нѣжное и христіански-идеально воспитанное сердце великаго Царя не могло равнодушно смотрѣть на вопіющія, еще многія нужды и тяготы народныя. Люди русскіе цѣпенѣли еще—въ свинцовыхъ для крестьянъ и гибельныхъ, развращающихъ для дворянъ — путахъ крѣпостного права. Суды и власти были все еще, какъ ихъ народъ обозвалъ, „міроѣдныя", безпощадныя и лицепріятныя. Всюду еще царила безчеловѣчная жестокость: на площадяхъ, при такъ называемыхъ „торговыхъ казняхъ", кнутъ, во дворахъ и сараяхъ помѣщичьихъ — плеть, и даже въ школахъ, въ примѣненіи къ дѣтямъ, властно и нещадно примѣнялась

„березова каша“, т. е. дерка, порка и т. п. учебныя казни. А рекрутскіе наборы тогдашніе, когда на всю жизнь отрывали человѣка отъ семьи; а воинскій тогдашній бытъ, полный безпросвѣтной тяготы, лишеній и приниженности, и т. д.?!..... Ужасы эти недаромъ создали у насъ цѣлый огромный циклъ буквально стонущей и плачущей народной поэзіи. Мы теперь и представить себѣ не можемъ всѣхъ скорбей того времени. Вѣдь поистинѣ—стонъ стоялъ по русской землѣ и грудь народная на части раздиралась предъ старинными рекутскими присутствіями. „Цѣлыя поля кручиной было понасѣяно, цѣлыя озера горючихъ слезъ было понаронено“, поется въ одной народной пѣснѣ. Народъ плакалъ, стоналъ, на горе свое жаловался только Богу небесному, выплакивалъ его въ пѣснѣ своей, да зарывалъ съ собой въ мать-сыру землю. И вотъ добрѣйшій изъ царей земныхъ внялъ народнымъ тяготамъ и воплю народному. Совершивъ обновленіе Россіи во всѣхъ частяхъ ея гражданскаго быта и, притомъ, все—въ духѣ человѣколюбія, христіанской равноправности и равномѣрности, онъ облегчилъ народную грудь, осушилъ народныя слезы, прекратилъ эти вѣковые стоны.

Двадцать шесть лѣтъ продолжался царственный подвигъ Императора Александра Николаевича. Съ перваго, можно сказать, момента своего царствованія ему пришлось браться за труды неимовѣрные, вступить въ борьбу съ препятствіями почти неодолимыми. Вся Россія крайне нуждалась во внутреннихъ преобразованіяхъ, въ мирномъ развитіи, а между тѣмъ прежде-то всего пришлось погрузиться Александру II въ тяжкія внѣшнія дѣла. Какъ разъ тогда именно, западная Европа, боявшаяся могущества и величія Россіи, общими силами собралась сокрушить ее. Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ въ тѣ страшные дни, когда кровь русская лилась рѣками, защищая отечество. Въ одиночествѣ онъ долженъ былъ отстаивать южныя окраины Россіи отъ соединенныхъ усилій чуть ни всей Европы. Неимовѣрнымъ мужествомъ доблестнаго русскаго воинства и мудрымъ тактомъ юнаго Императора война была закончена почти безъ потерь и

урона: многострадальный нашъ Севастополь, цѣлый годъ терзаемый адскими силами многочисленныхъ враговъ и охраняемый грудью однихъ только нашихъ, русскихъ героевъ-воиновъ, палъ не побѣжденный, а только сраженный, онъ былъ только разрушенъ, а не завоеванъ. Мудрый Монархъ спѣшилъ остановить страшные потоки крови русской; онъ берегъ эту кровь и эти гибнущія силы русскія на внутреннее развитіе, а также и на внѣшнее укрѣпленіе государства, чтобы впослѣдствіи возстановить нѣсколько поколебленную крымскою компаніею честь и достоинство Россіи.

И мы знаемъ, какъ мудро и какъ твердо провелъ Александръ II этотъ свой планъ; мы знаемъ, что своимъ державнымъ преемникамъ онъ оставилъ царство русское не только возстановленное въ прежнихъ своихъ предѣлахъ, но и значительно расширенное, всесторонне укрѣпленное и поднятое, царство страшное всѣмъ его врагамъ и ненавистникамъ.

Не входя въ обзоръ политической обстановки царствованія Александра Николаевича, кстати всетаки напомню, хоть только по названіямъ, главнѣйшіе его политическіе подвиги и заслуги для Россіи. Онъ покорилъ горный, неприступный Кавказъ, воинственное населеніе котораго было истиннымъ бичемъ для пограничныхъ русскихъ владѣній и который былъ вѣковою преградою къ расширенію русской власти и могущества на югѣ. Онъ пріобрѣлъ для Россіи Ташкентъ, Самаркандъ, Коканъ, Бухару, Хивинское ханство, чѣмъ упрочено было русское владычество въ Средней Азіи. Путемъ мирной дипломатіи Александра II Россія безъ малѣйшихъ затратъ, безъ пролитія и капли крови, присоединила къ своимъ владѣніямъ огромный при-Амурскій и приморскій край, проложившій Россіи путь къ Великому Восточному океану. Далѣе, Александръ II возсоздалъ черноморскій флотъ, ухищреніями западно-европейской политики уничтоженный-было у насъ. Александромъ II возвращена Россіи часть Бессарабіи, которая отнята была у Россіи по парижскому миру. Онъ завоевалъ и присоединилъ къ Россіи въ Малой Азіи

крѣпость Карсъ, портъ Батумъ. Наконецъ, онъ велъ блистательную для славы русскаго оружія турецкую войну. По справедливости, эти воинскіе подвиги Александра Николаевича и блестящіе политическіе успѣхи его царствованія достаточны для того, чтобы назвать Александра II мудрымъ дипломатомъ, великимъ политическимъ дѣятелемъ, даже завоевателемъ—въ томъ именно смыслѣ, какъ титулуются въ исторіи разные Вильгельмы, Карлы, Фридрихи.

Но въ дѣятельности нашего Александра Николаевича эти успѣхи и завоеванія стоятъ на далекомъ второмъ планѣ. Не тѣмъ такъ воистину великъ Александръ II, что, хотя неизбѣжно, какъ война, связано съ насиліемъ, мученіемъ человѣческимъ, съ кровопролитіемъ; онъ великъ и надъ всѣми Великими—своими мирными завоеваніями, мирными побѣдами надъ исконными, застарѣлыми язвами русской жизни и народнаго быта.

Вѣнцомъ всѣхъ великихъ дѣяній Александра Николаевича и самой крупной жемчужиной въ его безсмертной коронѣ является совершеніе того колоссальнаго, славнаго не только въ русской, но и общечеловѣческой исторіи дѣла, которое дало новую жизнь Россіи, вдохнуло „душу живу“ въ многомилліонное крестьянство русское. Надъ 22 милліонами народа русскаго цѣлые вѣка позорнымъ клеймомъ тяготѣло рабство, не признававшее въ человѣкѣ его человѣческаго достоинства, убивавшее въ человѣкѣ его человѣческое назначеніе. Давно уже въ народѣ носились смутные слухи о „волѣ“, какъ о роковой необходимости, насущной потребности, правдѣ; но желанная воля все не приходила, наступленіе ея все отсрочивалось. Святое дѣло откладывалось, вслѣдствіе сильнаго противодѣйствія со стороны однихъ людей и вслѣдствіе недостатка силы воли и рѣшимости — въ другихъ. Александръ Николаевичъ явился тѣмъ великимъ человѣкомъ, котораго ждала исторія и призывало человѣчество, тѣмъ добрымъ сердцемъ, которое ничѣмъ не смутилось и ни предъ чѣмъ не остановилось въ осуществленіи этого вѣкового долга. И милліоны крестьянъ получили свободу

и права человѣческія, благодаря могучему духу и доброму сердцу того, кого исторія во вѣки будетъ величать Освободителемъ.

Нельзя при этомъ не подивиться царственной мудрости Царя-Освободителя, который приступилъ къ этой величайшей реформѣ съ необычайнымъ тактомъ и провелъ ее идеально умно. Неограниченный самодержецъ, онъ однако призвалъ и вѣрноподданныхъ своихъ, ближайшимъ образомъ, заинтересованное въ этой реформѣ дворянство, къ участію и содѣйствію въ ея совершеніи; онъ съумѣлъ всѣхъ и все расположить въ пользу реформы и примирить съ ней. Вездѣ подобныя реформы не обходились безъ сопротивленія, безъ борьбы, вызывали ужасающіе безпорядки, по большей части сопровождались даже пролитіемъ крови. Только нашъ Александръ Николаевичъ съумѣлъ такъ бережно, не потрясая земли родной, изъять изъ нея то, что укоренилось вѣками, на чемъ все держалось. Вездѣ, съ уничтоженіемъ рабства, на смѣну рабовъ являлись безпомощные, несчастные и часто даже гораздо болѣе опасные для государства пролетаріи, не имѣвшіе пріюта и пропитанія, фактически остававшіеся, обыкновенно, въ той же кабалѣ у тѣхъ же своихъ старыхъ владѣльцевъ. И только Александръ II съумѣлъ обезпечить освобожденный народъ собственностію. Только ему удалось такъ счастливо и какъ только можно благополучно, удачно измѣнить весь строй жизни всего народа. Облагодѣтельствованный народъ благословлялъ имя своего Царя-Освободителя, а міръ весь съ изумленіемъ смотрѣлъ на наше отечество и съ невольнымъ умиленіемъ дивился нашему Александру.

Но это величайшее дѣло, подобныхъ которому почти не знаетъ всемірная исторія, было только началомъ. По манію Царя-Преобразователя совершаются событія всеобъемлющаго значенія и величайшей важности. Устаешь слѣдить за ходомъ этихъ событій, память измѣняетъ въ одномъ перечисленіи ихъ. Такъ, Александръ II даетъ самоуправленіе всему народу русскому—земскія учрежденія; вводитъ грандіозную реформу судебную, благодаря

которой таинственная пучина старыхъ канцелярій замѣнена судомъ открытымъ, гласнымъ, всенароднымъ. Введена всесословная воинская повинность, сокращенъ срокъ военной службы, запрещены звѣрскія тѣлесныя наказанія разными позорно-страшной памяти шпицрутенами, фухтелями и т. п.; прекращена отдача въ солдаты преступниковъ, чѣмъ дотолѣ позорилось почетное и благородное званіе солдата; учреждена санитарная часть въ войскахъ; открыты—Россійское Общество краснаго креста, Попечительство о больныхъ и раненыхъ воинахъ, Община сестеръ милосердія, цѣлая масса богадѣленъ и разныхъ человѣколюбивыхъ учрежденій и предпріятій. Уничтожены были и въ гражданскихъ судахъ позорныя клейменія преступниковъ, до послѣдняго минимума ограничено примѣненіе тѣлесныхъ наказаній и т. д. Уничтожены винные откупа, раззорявшіе народъ; измѣненъ весь порядокъ сбора податей и расходованія казны, преобразована контрольная и счетная части; учреждено министерство финансовъ, основанъ Государственный банкъ, Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, государственные доходы въ Россіи возросли при Александрѣ II въ два съ половиною раза.

Еще большее вниманіе великій Императоръ-Преобразователь обратилъ на духовно-нравственныя потребности народа своего. „Первое и живѣйшее желаніе наше“, заявилъ онъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ манифестовъ, „чтобы свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, сохранялъ и улучшалъ болѣе и болѣе общественную нравственность — сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія“. Въ этомъ отношеніи вѣчно памятнымъ останется милостивое попеченіе Государя о духовномъ просвѣщеніи и о нравственномъ и матеріальномъ поднятіи духовенства, какъ сословія, стоящаго на стражѣ народной нравственности и благочестія. Царскою милостію и щедростію всесторонне реформированы и улучшены были наши духовныя школы и тѣмъ изведены были изъ невѣроятно жалкаго состоянія, въ каковомъ дотолѣ онѣ находились. Уничтожено было духовное сословіе, какъ особая замкнутая каста: открытъ былъ свободный выходъ дѣтямъ духовен-

ства во всѣ свѣтскія учебныя заведенія, какъ и наоборотъ—инославнымъ дана возможность духовнаго образованія. Отсюда духовенство православно-русское обновилось притокомъ новыхъ силъ и, въ тоже время, освободилось отъ скоплявшагося въ средѣ его ненужнаго элемента и вредной массы лицъ, которые только вслѣдствіе происхожденія своего, по необходимости и принудительно вступали въ духовное званіе. Далѣе, обращено было милостивое вниманіе Императора Александра Николаевича на дѣтей духовенства, особенно безправныхъ дѣвицъ и безпомощныхъ сиротъ: на первыхъ порахъ исключительно на средства царствующаго дома, а потомъ уже и на епархіальныя средства, открыто было въ Россіи множество училищъ для дѣвицъ духовнаго званія. Въ видахъ вообще улучшенія быта духовенств, по волѣ Государя, учреждено было при Святѣйшемъ Сѵнодѣ особое Присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства. Чтобы поднять матеріальное благосостояніе духовенства, издано распоряженіе о сокращеніи приходовъ, причтовъ, штатовъ, образованъ пенсіонный при Св. Синодѣ капиталъ; открыты приходскія попечительства, а также—множество братствъ и миссіонерскихъ обществъ; учреждены съѣзды духовенства, увеличено количество епископскихъ каѳедръ и т. д. и т. д.

Какъ на самое дѣйствительное средство духовнаго подъятія своей страны, Императоръ Александръ Николаевичъ обратилъ самое серьезное вниманіе на просвѣщеніе вообще. „Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію!“ воззвалъ онъ къ народу своему. И—съ первыхъ же дней царствованія Александра II, дѣйствительно, на просвѣщеніе русское, на науку, литературу и искусства пахнуло свѣтомъ и тепломъ; они оживились и развились, какъ никогда дотолѣ. Вспомнимъ и назовемъ только самое главное и существенное: изданъ новый университетскій уставъ, облегченъ всѣмъ доступъ въ высшія учебныя заведенія и притомъ въ неограниченномъ количествѣ, открыто было три новыхъ университета, Императорскій историко-филологическій институтъ, Московскій лицей, Земледѣльческая академія, нѣсколько

ветеринарныхъ институтовъ и спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, сотни гимназій, семинарій, институтовъ, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, пансіоновъ, ремесленныхъ и техническихъ школъ, цѣлая серія женскихъ учебныхъ заведеній, многія тысячи городскихъ, воскресныхъ, народныхъ училищъ; всецѣло преобразованы были военно-учебныя заведенія. Учреждено было множество ученыхъ обществъ; разрѣшена масса новыхъ журналовъ; печатное дѣло возросло въ Россіи въ грандіозныхъ размѣрахъ, словесность русская достигла самаго блестящаго разцвѣта. Невозможно сосчитать великихъ русскихъ людей, крупнѣйшихъ дѣятелей въ сферѣ наукъ, искусствъ и литературы, которые, при столь благопріятствующихъ условіяхъ, въ широкихъ размѣрахъ открыли и повели свою дѣятельность, восполнившую собою несравненный блескъ и славу царствованія Императора Александра II. Хомяковъ, Тютчевъ, Вяземскій, Бѣлинскій, Аксаковы, Никитинъ, Некрасовъ, А. Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Островскій, Писемскій, Григоровичъ, Л. Толстой и др.—вѣдь все это какія имена! Какихъ писателей! Соловьевъ, Костомаровъ, Пироговъ, Шевыревъ, Никитенко, Буслаевъ, митроп. Макарій, Соловьевъ и множество другихъ—ученые; Сѣровъ, Даргомыжскій, Чайковскій, Римскій-Корсаковъ, Балакиревъ, Мусорскій—композиторы; Перовъ, Маковскій, Полѣновъ, Айвазовскій, Рѣпинъ, Верещагинъ—художники, и т. д. Этотъ цвѣтъ и гордость русской націи, эти великіе и самые славные русскіе люди были казовымъ украшеніемъ Александровскаго времени, всё это — обласканные и поддержанные Александромъ Николаевичемъ его, такъ сказать, друзья и любимцы, славные сподвижники его славнаго царствованія.

Всесторонне преобразуя и обновляя Россію, Александръ II обратилъ взоры свои и на родныя намъ славянскія племена, и, какъ извѣстно, — о чемъ ужъ не рѣшаюсь подробнѣе говорить, — „слово Царь-Освободитель за русскій выступило предѣлъ“. Единственная въ своемъ родѣ, безкорыстная и самоотверженная, „крестовая“ война

Россіи съ Турціею окончилась полнымъ успѣхомъ, когда русскіе герои, воодушевляемые въ средѣ ихъ находившимся самимъ Александромъ, преодолѣли невѣроятныя преграды, выставленныя людьми и природою, и—знамена русскія взвились у стѣнъ Константинополя, а братьямъ-страдальцамъ отвоевана была свобода, независимость.

Повторяю, я не кончилъ бы, если бы захотѣлъ исчерпать все великое въ царственныхъ дѣйствіяхъ и трудахъ Царя-Освободителя. Да и нужно ли перечислять? Въ сухомъ перечнѣ можно ихъ не сосчитать, что либо пропустить, но вѣдь реформы Александровскія вѣчно пребудутъ цѣлы и живы въ жизни нашей; онѣ дадутъ неистощимый матеріалъ для будущаго историка Россіи, и, поистинѣ, трудно будетъ послѣднему справиться съ великою эпохою Александра II. Двадцать шесть лѣтъ его царствованія дали Россіи то, чего не давали цѣлыя столѣтія въ ея исторической жизни. Исторія всемірная не много знаетъ еще государей, которые оставили бы столь могущественный и благодѣтельный слѣдъ во всѣхъ сферахъ и отправленіяхъ государственной жизни своихъ народовъ, какъ нашъ Александръ II. Несомнѣнно, онъ дождется генія-поэта, который въ свѣтломъ лучезарномъ ореолѣ выразитъ на память вѣкамъ и въ назиданіе человѣчеству историческое величіе Царя-Преобразователя, Царя-Освободителя, Царя-Мученика. Чѣмъ дальше будетъ жить народъ русскій и чѣмъ яснѣе и шире будетъ развиваться въ немъ историческое самосознаніе, тѣмъ ярче и ярче будетъ предноситься его духу великій образъ Александра II, тѣмъ осязательнѣе будетъ выступать въ исторіи Его ликъ благодатный, и роды родовъ будутъ соперничать въ своемъ къ нему благоговѣніи. Вѣка пройдутъ, а память и послѣдствія дѣяній Александра II сохранятся, какъ свѣтлая и яркая лучезарная полоса въ жизни Россіи. Царствованіе Александра — высокій примѣръ самоотверженнаго служенія благу и счастію родины во имя наиболѣе святыхъ идеаловъ человѣчества. Имя Александра II навсегда пребудетъ драгоцѣннымъ звѣномъ, соединяющимъ узами беззавѣтной любви и вѣрности народъ русскій съ его государями. И народъ

и государи всегда вкупѣ преклонятся въ чувствѣ глубокаго благоговѣнія предъ священной личностью Царя-Освободителя, такъ потрудившагося для Россіи, такъ осыпавшаго ее милостями и мученическій вѣнецъ пріявшаго— не за свои, а за великія наши предъ нимъ прегрѣшенія.

Сегодня, въ день радостнаго торжества, не время, конечно, упрекать кого-либо въ ошибкахъ, прегрѣшеніяхъ; но нельзя жъ совершенно замолчать и эту самую что ни есть грустную, печальную страницу нашего былого, преступно оборвавшую благословенное царствованіе Александра II. И больно и обидно, но приходится сознаться, что мы, тогдашніе русскіе люди, болѣе или менѣе всѣ виноваты предъ нимъ. Мы не шли на встрѣчу и восторженно, какъ бы это безусловно слѣдовало, всѣмъ идеямъ и стремленіямъ великаго Преобразователя; мы не лелѣяли его начинаній своимъ горячимъ и дѣятельнымъ сочувствіемъ. Будущіе потомки наши впослѣдствіи строго осудятъ насъ за нашу духовную лѣнь и косность, за умственную нашу зыбкость и неустойчивость, за растерянность общественной мысли, за недостатокъ въ насъ истинной гражданской ревности, гражданскихъ чувствъ— даже въ такое, слишкомъ приподнятое время, при столь энергичномъ руководителѣ, неусыпномъ иниціаторѣ, вождѣ! Этотъ томительный застой нашъ очень ѣдко, и въ общемъ очень справедливо охарактеризовалъ И. С. Аксаковъ, говоря, что мы, русскіе люди, привыкли все возлагать на правительство и ничего не хотимъ дѣлать сами: оно за нами ухаживай, насъ оберегай, награждай,— награждай за все, даже, напримѣръ, за любовь нашу къ Богу и къ ближнему, какъ будто это въ самомъ дѣлѣ заслуга, одолженіе съ нашей стороны, а не долгъ нашъ; правительство насъ развивай, забавляй, одѣвай, за насъ молись, сочиняй, люби, даже—въ угоду нашу—либеральничай, и т. д. Словомъ, у насъ все—правительство, оно за все въ отвѣтѣ, а наше дѣло какъ будто совсѣмъ сторона, мы лишь только его же за все судимъ и рядимъ.

Такъ индифферентно, апатично относясь къ живѣйшимъ интересамъ нашимъ, мы не смогли составить про-

тивовѣса даже этимъ, явно безумнымъ и дерзкимъ, страшнымъ попыткамъ анархическихъ идей и началъ; мы просмотрѣли, какъ чужимъ, западнымъ вѣтромъ гнилымъ надуло и къ намъ заразу, какъ и у насъ созрѣли идеи смутъ, отрицаній, покушеній. Нашлись исчадія въ сонномъ и какъ бы убаюканномъ гуманною властію царствѣ нашемъ, которые стали вкривь и вкось все перетолковывать, осуждать, блистать взятымъ на прокатъ дерзкимъ либерализмомъ въ отношеніи къ вещамъ, лицамъ и предметамъ въ высокой степени серьезнымъ и для всякаго честнаго человѣка священно-неприкосновеннымъ. А тамъ, дальше, нашлись къ вѣчному позору нашему, изъ нашей же среды и тѣ сыны погибельные, которые даже дерзнули поднять святотатственную руку на священную главу великаго Помазанника Божія.

И вотъ, въ страшный, мрачный и позорнѣйшій изъ всей исторіи русской день 1 марта 1881 года, среди всеобщаго ужаса и оцѣпенѣнія, пришлось вступить на прародительскій престолъ новому Императору, Александру III Александровичу.

Ужъ истино по безмѣрной милости Божіей, въ лицѣ новаго Государя виновная Россія получила себѣ новаго Ангела Хранителя. Въ тѣ страшныя минуты, когда тронъ царей русскихъ обагрился святой кровію Царя-Мученика, когда крамола, такимъ образомъ, какъ будто восторжествовала и Россія очутилась на краю пропасти, выступилъ онъ, избранникъ Божій, новая славная отрасль благословеннаго дома Романовыхъ. Мужъ великой крѣпости душевной, съ кристалльно чистою душой, съ алмазной несокрушимой волей, не дрогнувъ, увѣренно, взялъ онъ на могутныя плечи свои богатырскія тягу земли русской. „Съ рѣшимостію пріемлю я вѣнецъ царскій“, твердо объявилъ онъ въ первомъ своемъ манифестѣ къ смущенному и растерянному народу своему, еще надъ истерзаннымъ прахомъ Мученика-Отца: „если Всевышній и мнѣ судилъ такую же участь, какъ родителю, то служите вѣрно моему сыну“. Такимъ образомъ, бодро и рѣши-

тельно онъ готовъ былъ пріять хотя бы даже смертную участь отца своего, но отъ долга своего предъ отечествомъ не отступилъ. И что жъ?—коротко сказать: гнусная крамола, нанесшая такое невыразимое горе и обиду народу русскому, своимъ гнуснѣйшимъ изъ злодѣйствъ — цареубійствомъ—такъ опозорившая Россію и, вслѣдствіе проклятаго своего успѣха, казавшаяся столь страшною Россіи, она предъ Александромъ III, ужъ именно шипя змѣею, уползла въ подполье. Исторія Россіи во время Александра III представляла что-то феерическое, словно дотолѣ и не бывалое. Онъ поднялъ Россію отъ этой бездны позора и униженія, онъ вернулъ народу русскому миръ, спокойствіе, онъ вознесъ Россію на высоту еще небывалую, — и все это не силой меча, не потоками крови, а единственно силою своего духа, обаяніемъ его царственной личности. Все преступное, позорное, отрицательное, всѣ недочеты, скопившіеся на днѣ Россіи и такъ наглоявившіе себя міру въ злодѣйствѣ 1-го марта, все это стушевалось, благодаря новому, богоданному доброму Генію, царствовавшему въ Россіи съ 1881 по 1894 годъ.

Настоящій богатырь по внѣшнему виду своему, поражавшій всѣхъ своимъ исполинскимъ ростомъ и необычайной силой физической, Александръ Александровичъ былъ счастливый представитель и богатырства духовнаго. Все въ немъ было царственно-величаво и человѣчески-прекрасно. То былъ истый богатырь русскій, не кичливый и самохвальный, а величественно-спокойный, непреодолимо-мощный, внутренней силою своего авторитета себѣ всѣхъ и все покарявшій. Въ политической исторіи Россіи царствованіе его — новая золотая страница. Не хитрыми политическими комбинаціями и дипломатическими ухищреніями, а силою мудрости его, выдержанности и царственнаго такта, поднято было значеніе Россіи, нѣсколько поколебленное усиліями иностранной дипломатіи, послѣ славной для русскаго оружія турецкой войны. И незаслуженныя оскорбленія Россіи послѣ этой геройской крестовой войны за страждущихъ братій, и задорныя выходки, вызывающее поведеніе другихъ госу-

дарствъ, все, повидимому, неминуемо толкало Россію на путь страшной, губительной войны. Какъ рѣдко бываетъ въ жизни народовъ, накопившаяся масса горючаго матеріала въ теченіе всего царствованія Александра III готова была вспыхнуть чуть ни ежеминутно. Кому изъ насъ, современниковъ того царствованія, не извѣстно, что цѣлыми годами мы съ каждымъ днемъ тревожно ожидали вынужденнаго, рокового мановенія его державной руки... И этого мановенія, стоившаго бы, безъ сомнѣнія, многихъ тысячъ жизней, пролившаго бы рѣки горючихъ слезъ, обагрившаго бы землю моремъ крови—такъ-таки и не послѣдовало. Результаты же, къ которымъ должна была стремиться, казалось, неизбѣжная война, къ величайшему изумленію цѣлаго свѣта, достигнуты были сами собою, безъ жертвъ, безъ потерь, безъ слезъ и крови: Россія снова стала во главѣ европейскаго мира, она снова держала въ рукахъ своихъ, можно сказать, судьбы цѣлой Европы, и всѣ народы укрывала подъ своимъ благословеннымъ знаменемъ мира. Не пролить и единой капли крови, и такъ поднять вѣсъ и значеніе страны своей—это дѣло великой политической мудрости, это истинный подвигъ! Не бряцавшее смертоноснымъ звономъ оружія, не гремучее воинскими побѣдами, царствованіе Александра III все есть побѣда, побѣда мирная, безкровная, а потому еще болѣе поразительно-великая, величественно-славная. То было царство мирнаго величія, внутренней, въ себѣ самой собранной силы, грандіознымъ величіемъ авторитета своего совсѣмъ обезоружившей политическій задоръ и воинственные порывы всѣхъ европейскихъ политиковъ-воителей. И голосъ цѣлаго свѣта, какъ гласъ Божій, такъ справедливо назвалъ нашего Александра почетнѣйшимъ для владыкъ земныхъ именемъ—Миротворца.

Между прочимъ, какъ великое дѣло политическаго генія Императора Александра Александровича, стоитъ упомянуть союзъ съ Франціей, имъ созданный и проведенный въ жизнь. Этимъ великимъ дѣломъ парализованъ былъ тройственный союзъ, направленный противъ Россіи и угрожавшій міру смертью и разрушеніемъ. Царь-Миро-

творецъ по своимъ задачамъ и дѣйствіямъ, Александръ III однако былъ талантливый полководецъ, что доказалъ еще въ турецкую войну, когда онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ русской арміи и блестяще выполнилъ возложенныя на него чрезвычайно отвѣтственныя задачи.

Еще въ бо́лѣе высокомъ и величавомъ ореолѣ стоитъ въ сознаніи нашемъ Императоръ Александръ III, если обратимъ вниманіе на дѣла его *внутренней* политики. Въ перечнѣ множества внутреннихъ реформъ Императора Александра III мы встрѣчаемся съ такими громаднаго жизненнаго значенія новостями и преобразованіями, какъ учрежденіе министерства земледѣлія, открытіе дворянскаго и крестьянскаго банковъ, отмѣна подушной подати, упорядоченіе переселенческаго движенія, сооруженіе столь величественныхъ историческихъ путей сообщенія, какъ сибирская и закаспійская желѣзныя дороги и т. д. Но еще важнѣе и плодотворнѣе всѣхъ этихъ великихъ дѣяній Императора Александра общее направленіе его внутренней политики. Это былъ величайшій изъ всѣхъ, именно какъ *русскій* Императоръ. Истое воплощеніе всѣхъ лучшихъ качествъ русскаго человѣка, онъ былъ неподражаемо честнымъ носителемъ, могущественнымъ стражемъ и проводникомъ истинно русскихъ взглядовъ, исконно-отечественныхъ нашихъ убѣжденій, національныхъ традицій. Рѣшительно во всемъ—и въ частной жизни своей, какъ идеальный семьянинъ и гражданинъ земли русской, и въ общегосударственномъ управленіи, какъ идеальный же государь своей страны и своего народа, онъ всегда неуклонно и доблестно стоялъ на высотѣ своего *русскаго* призванія, всегда и во всемъ былъ неизмѣнно и непреклонно могучъ силою, крѣпостью и стойкостью именно русскаго духа, своей русской души. И потому-то при Александрѣ III такъ называемое *русское дѣло* стало у насъ, какъ никогда дотолѣ, на твердую почву,—*національное направленіе* во всей государственной политикѣ нашей такъ прочно и крѣпко, такъ желанно и благодѣтельно упрочилось. И стоитъ вспомнить это, вѣками воспитанное и вѣками разъѣдавшее Россію, цѣлые вѣка въ исто-

рической жизни ея сгубившее, наше русское „чужебѣсіе“, чтобы вполнѣ оцѣнить русскую политику Александра III, чтобы въ строго національномъ направленіи этой политики видѣть величайшую его государственную и историческую заслугу.

Несомнѣнно, побѣдоносный подъемъ въ Россіи всего родного, національнаго при Императорѣ Александрѣ Александровичѣ зависѣлъ не столько отъ времени, не столько отъ общаго прогресса въ сознаніи русскаго общества, сколько главнѣйшимъ образомъ отъ личности его самого, изъ „перерусскихъ русскаго человѣка“, достойнѣйшаго представителя своего рода-племени, благороднѣйшаго сына страны родной. Подъ благотворнымъ вліяніемъ и личнымъ воздѣйствіемъ Александра III, начался столь желанный и нужный подъемъ и въ духовной жизни русскаго народа, наступилъ замѣтный поворотъ къ лучшему, отрезвленіе отъ неразумнаго увлеченія доктринами крайняго либерализма и гибельнаго матеріализма. Все святое, высокое, религіозное стало пріобрѣтать большій вѣсъ и авторитетъ въ православной Россіи. Благодаря искренней набожности Александра III, его глубокой вѣрѣ, благоговѣйному уваженію вообще къ церкви и церковности, внимательному отношенію къ духовному просвѣщенію и всѣмъ духовнымъ нуждамъ народа, и въ глазахъ общества нашего, часто такъ поверхностно относящагося къ вѣроисповѣднымъ интересамъ, видимо стали подниматься взгляды на вѣру, на церковь, на духовное просвѣщеніе. Александръ Александровичъ былъ по истинѣ царь благочестивѣйшій, царь православно-русскій. Въ немъ ужъ именно, какъ говорится, бился пульсъ народной жизни, и онъ понималъ, что залогъ всей будущности Россіи—не въ позаимствованіяхъ со стороны, а въ развитіи и ростѣ русской народности и въ крѣпости, устойчивости на Руси православія и самодержавія, т. е. тѣхъ основныхъ, исконныхъ принциповъ, которыми жила и существуетъ Россія. Александръ Александровичъ обогатилъ наше самосознаніе вѣрнымъ и мудрымъ убѣжденіемъ, что истинное благо Россіи въ нашей національной самобыт-

ности. Онъ и стремился именно къ тому, о чемъ такъ настойчиво говорилъ Достоевскій: къ „оздоровленію корней“; онъ осуществилъ то, о чемъ давно мечтали наши лучшіе славянофилы: онъ положилъ начало „духовному, нравственному собиранію Руси“. Царь-праведникъ, чистый сердцемъ, кроткій и смиренный, исполненный высочайшей разсудительности, Александръ III въ нравственномъ обликѣ своемъ явилъ, можно сказать, вѣяніе древней Руси, вѣяніе тѣхъ настроеній, которыми созданы были высокіе образы русскихъ князей—Владиміра Святого, Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха. Не даромъ вся Россія въ величавомъ образѣ Царя своего почувствовала нѣчто идеальное и вмѣстѣ—родное, близкое сердцу. На него смотрѣли съ любовью, и все, что замѣчали въ немъ, было такъ свѣтло, такъ отрадно и мило русскому сердцу.

Какъ супругъ, какъ отецъ, какъ правитель и слуга народа своего, онъ былъ высокимъ примѣромъ и благороднымъ образцомъ. Твердость, настойчивость, сила воли его были таковы, что ни у кого и никогда даже мысли не возникало о какомъ либо протестѣ, сопротивленіи ему; но, съ другой стороны, и доброта, кротость, самоотверженіе его стали славны на весь Божій свѣтъ. Честность, правдивость, благородство Александра III изумляли и восторгали всѣхъ въ нашъ изолгавшійся вѣкъ. Не менѣе поразительно было въ Александрѣ самоотверженное истощеніе всѣхъ силъ своихъ на служеніе отечеству: извѣстно, напримѣръ, что въ теченіе четырнадцати лѣтъ царствованія, онъ посвящалъ сну только по 4—5 часовъ въ сутки. Его хладнокровіе и мужество восхищали и не мало пугали окружающихъ. „Пока я нуженъ Россіи, до тѣхъ поръ не умру“, говорилъ онъ обыкновенно въ виду какихъ либо опасностей,—говорилъ съ глубокой вѣрой въ Промыслъ Божій. Не щадя и не жалѣя себя, онъ жилъ только для Россіи; онъ весь былъ въ своемъ царственномъ долгѣ. Какъ чудный и свѣтлый метеоръ, пролетѣло царствованіе Александра Александровича, оставивъ на вѣки въ памяти народной обликъ этого Царя,—чистаго,

благороднѣйшаго человѣка, совершеннѣйшаго, святого сердца.

Господь Богъ хранилъ Помазанника своего и въ устахъ самой смерти (при крушеніи поѣзда въ Боркахъ), но вотъ, нежданно-негаданно, къ драгоцѣнной жизни Александра Александровича подкралась роковая болѣзнь и, къ истинному ужасу Россіи и искреннему огорченію всей Европы, на глазахъ нашихъ, лелѣемаго всѣми человѣческими заботами и попеченіями, безпощадно повела его къ могилѣ. Въ полномъ разцвѣтѣ силъ и жизни, еще не достигши и пятидесяти лѣтъ, 20 октября 1894 года, могучій Богатырь нашъ русскій на вѣки почилъ во гробѣ. На престолъ Россійскій вступилъ нынѣ благополучно царствующій Императоръ нашъ Николай II Александровичъ.

Чтобы мыслію обнять, охватить цѣлую историческую эпоху въ жизни народа, чтобы уразумѣть ее во всей ея, такъ сказать, цѣлокупности, нужна историческая перспектива, т. е. извѣстная отдаленность времени. Настоящее царствованіе, для насъ, такой перспективы не имѣетъ, ибо оно—настоящее, оно еще не принадлежитъ исторіи. А потому и мой историческій очеркъ на этомъ пунктѣ самъ собою долженъ былъ бы прекратиться. Но вѣдь настоящее царствованіе хоть и не принадлежитъ исторіи, а оно уже имѣетъ свою знаменательную и содержательную исторію; оно, безъ сомнѣнія, составитъ потомъ такъ же очень крупную, большую страницу въ общей исторіи культурно-политическаго роста Россіи. И я позволю себѣ всего нѣсколькими словами только указать на эту страницу, которая собою вѣнчаетъ первое трехсотлѣтіе царствованія на Руси благословеннаго рода Романовыхъ.

Какъ мудро предусмотрительную, необычайно счастливую и точную характеристику настоящаго царствованія, осмѣливаюсь привести слова самого благополучно царствующаго Государя нашего, Императора Николая Александровича. Именно, въ глубокоскорбные дни по кончинѣ Александра III, его царственный Сынъ и Преемникъ, въ пер-

вомъ своемъ манифестѣ объявилъ народу: „принимаю на себя великіе завѣты незабвеннаго моего родителя“. Вотъ, эти золотыя слова Государя нашего Николая Александровича и стали дѣйствительнымъ знаменемъ, лозунгомъ всего новаго, т. е. настоящаго царствованія. Уже въ томъ, первомъ манифестѣ Сына узнали мы благороднѣйшіе отзвуки высокой души Отца, услышали родимыя и такъ милыя сердцу нашему слова Царя-*Миротворца,* Царя-*русскаго,* Царя-*благочестивѣйшаго.* Господь, милостивый къ Россіи, особенно въ царяхъ ея, добрыхъ и любвеобильныхъ, даровалъ намъ въ новомъ Государѣ нашемъ новое счастіе, новое солнышко красное, свѣтомъ и тепломъ души своей проникающее всю Россію. И съ той самой поры уже возлюбили мы Его, доблестную отрасль царей нашихъ, нашего законнѣйшаго, богоданнаго Государя, Николая II Александровича, возлюбили Его всецѣло, всеодушевно, самоотверженно и беззавѣтно, какъ любили Отца и какъ не забудемъ Отца и всѣхъ славныхъ предковъ Его—во вѣки вѣковъ и въ родахъ родовъ нашихъ.

Прежде всего, самая личность незабвеннаго Царя-Миротворца, она вполнѣ отразилась въ чарующихъ тайникахъ души и сердца нынѣ благополучно царствующаго нашего Императора, который весь есть воплощеніе чистоты душевной и красоты нравственной, весь есть олицетвореніе доброты и кротости, милосердія и любви. Тѣ, кто имѣлъ счастіе видѣть и слышать нашего Государя, обыкновенно словъ не находятъ передать и охарактеризовать обаяніе, какое своею Особою внушаетъ Онъ всѣмъ. Очевидно, въ душѣ Его таится рѣдкостное качество притяженія къ себѣ людей,—что-то наслѣдственное и прирожденное, что всѣхъ къ Нему привлекаетъ и всѣхъ очаровываетъ. Слыхалъ я, напримѣръ, отъ многихъ бывшихъ питомцевъ Петербургскихъ военныхъ учебныхъ заведеній, что визиты Государя нашего въ эти заведенія оставили въ нихъ на всю жизнь самыя плѣнительныя, неотразимо очаровательныя впечатлѣнія и воспоминанія. Воспитанный въ идеально-благородной и христіански-благочестивой русской семьѣ своихъ царственныхъ родителей, среди при-

мѣровъ кротости и терпѣнія, любви и самоотверженія, Государь нашъ измлада и всецѣло проникся духомъ тѣхъ же исконно-святорусскихъ доблестей и идеаловъ. Какъ и великіе его предшественники, Родитель и Дѣдъ, особенно Онъ всѣхъ покоряетъ своимъ милосердіемъ и ласкою, добротой и любовію; а вѣдь эти высокія христіанскія доблести неизмѣримо выше и дороже всего на свѣтѣ; поэтому нашъ обожаемый Монархъ и дороже и милѣе всякихъ монарховъ-воителей и завоевателей. Въ Немъ и въ дѣлахъ Его нѣтъ ничего кичливаго и кричащаго, нѣтъ картиннаго, показного героизма, за которымъ такъ гонятся обычно многіе въ западной Европѣ; но Онъ есть истинный герой, въ болѣе широкомъ и святомъ смыслѣ этого слова: герой своего царственнаго долга, призванія—для отечества нашего и, въ то же время, герой гуманизма, герой человѣчности для всего человѣчества. Во очію міра всего, Онъ продолжаетъ и довершаетъ великія дѣла великихъ—Царя-Миротворца и Царя-Освободителя; Онъ твердо и неуклонно ведетъ Россію по пути ея историческаго призванія. Призваніе же Россіи, за всѣ три столѣтія Романовскія, ясно опредѣлилось: это благороднѣйшее, святое призваніе—сѣять въ семьѣ человѣчества не вражду, насиліе и ненависть, а внѣдрять въ сознаніе человѣчества и въ жизнь проводить небесные идеалы братства и любви, мира и благоволенія. Вѣдь не кто либо другой, а русскій Императоръ, нашъ Николай Александровичъ поднялъ первый въ Европѣ голосъ, напримѣръ, о сокращеніи такъ раззоряющихъ и истребляющихъ человѣчество воинскихъ вооруженій,—на состоявшейся по Его иниціативѣ Гаагской *мирной* конференціи; Онъ поднялъ голосъ объ устраненіи мучительно-безчеловѣчныхъ разрывныхъ пуль,—на Петербургской конференціи; Онъ поднялъ голосъ о болѣе гуманныхъ законахъ и условіяхъ войны,—на Брюссельской конференціи, и т. д. Исторія всемірная навсегда съ благоговѣніемъ будетъ помнить нашего Государя за самую уже иниціативу столь гуманныхъ Его усилій, стремленій, начинаній.

Если, такимъ образомъ, всемірная исторія не можетъ не видѣть въ царствованіи Николая Александровича полнаго продолженія славнаго царствованія Родителя Его, Александра III-Миротворца, то, съ другой стороны, наша Русская исторія не можетъ не усмотрѣть во внутренней политикѣ нашего Государя продолженія дѣятельности незабвеннаго Дѣда Его, Александра II-Освободителя. Послѣдній далъ свободу русскому крестьянину, а достойный Внукъ его, своимъ закономъ о хуторскихъ, такъ называемыхъ, отрубныхъ владѣніяхъ обезпечилъ русскому крестьянину возможность полнаго матеріальнаго довольства. Правда, эту реформу у насъ еще какъ слѣдуетъ не поняли и не оцѣнили, но опытные, житейски мудрые люди видятъ въ ней огромное будущее и прямо, по важности и значенію въ жизни народной, сравниваютъ, сопоставляютъ ее съ великой освободительной реформой Александра II. Далѣе, Царь-Освободитель положилъ начало самоуправленію народному введеніемъ земскихъ учрежденій, а доблестный Внукъ его довершилъ это великое дѣло, привлекши весь народъ русскій къ самоуправленію всестороннему — чрезъ Государственный Совѣтъ и Государственную Думу. Александръ II учредилъ нѣсколько новыхъ министерствъ, а Николай II не только восполнилъ составъ министерствъ, но—что особенно важно и полезно —объединилъ дѣятельность всѣхъ министерствъ для дружныхъ и согласованныхъ дѣйствій на пользу отечества. Уже этими однѣми реформами Государь нашъ Николай Александровичъ соорудилъ себѣ вѣковѣчный памятникъ нерукотворный въ памяти и въ сердцахъ своего народа! Уже за эти однѣ реформы, не говоря о множествѣ другихъ, исторія навсегда съ благоговѣйной благодарностью воздастъ Ему хвалу, честь и славу!

Окидывая мысленнымъ взоромъ минувшее трехсотлѣтіе русской жизни, имѣемъ вполнѣ основательное и, такъ сказать, законнѣйшее право сказать, что въ царствующей династіи Романовыхъ Россія обрѣла истинное

свое счастіе. Доживавшее предъ тѣмъ, казалось, послѣдніе свои дни, отечество наше не погибло, а возродилось съ такой силою и въ такомъ величіи, о каковомъ, конечно, и мечтать тогда было нельзя. Составившееся изъ цѣлаго ряда областей, еще не успѣвшихъ окончательно слиться, да въ конецъ подорванное, обезсиленное, униженное и внутреннею смутою и внѣшними врагами, царство московское было поднято, сплочено и просвѣщено волею, силою, мощью и геніемъ своихъ вѣнценосцевъ Романовыхъ; такъ что превратилось оно въ великую, міровую имперію, могущественную, достигшую громадныхъ успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ своей жизни и давно уже выступившую на путь великой славы, широкаго всемірнаго значенія. Такое изумительное превращеніе Россіи есть неоспоримый историческій фактъ, и фактъ этотъ есть невѣроятно великій подвигъ государственный Романовыхъ, грандіозная ихъ историческая заслуга предъ Россіею.

Безмѣрно-великое политическое собственно значеніе монарховъ Романовыхъ восполняется и увѣнчивается въ памяти народной еще тѣмъ неотразимо чарующимъ впечатлѣніемъ, какое оставилъ каждый изъ нихъ своею обаятельною личностію. При нѣкоторомъ различіи характеровъ и темпераментовъ, всѣ они — добрѣйшіе и милостивые, незлобивые и кроткіе, сохранившіе и на высотѣ неограниченно-самодержавной власти святую простоту и отзывчивость человѣческаго сердца; всѣ они—вѣрные и честные носители и олицетвореніе народныхъ идеаловъ, хранители основныхъ православно-русскихъ завѣтовъ и традицій, всю жизнь свою благородно и самоотверженно отдавшіе на служеніе счастью своего народа. Неудивительно, что народъ русскій, обязанный своимъ Государямъ всѣмъ своимъ счастіемъ и благополучіемъ и видя, притомъ, въ нихъ воплощеніе своихъ идеаловъ, олицетвореніе всего, чего только ждетъ и жаждетъ душа народная, такъ искренно и беззавѣтно преданъ своимъ монархамъ, такъ иногда бурно и кипуче, какъ вотъ напримѣръ сегодня, проявляетъ свою любовь къ нимъ. Въ этомъ отношеніи вѣдь нѣтъ еще народа, равнаго русскому:

нигдѣ, какъ въ Россіи, царь и народъ мыслятся, какъ одно, сплоченное любовію и духомъ. Любовію и довѣріемъ къ царю своему, можно сказать, живетъ Россія. Богъ, царь и отечество, или что тоже: *православіе, самодержавіе и народность,* — вѣдь вотъ тройственный символъ русскаго человѣка,—три, такъ сказать, кита, на которыхъ выросъ и держится исполинъ-народъ русскій,—три начала, на которыхъ и въ которыхъ окрѣпъ могучій духъ этого народа, — трехчленное знамя, въ которомъ отображается душа великаго русскаго царства. Весь простой народъ нашъ, одушевленный такой великой силою, какъ стихійный патріотизмъ, и все образованное общество наше, спаянное такимъ культурнымъ цементомъ, какъ національное самосознаніе, одинаково, какъ то органически и таинственно, связаны съ своимъ государемъ. Мы можемъ „либеральничать", можемъ увлекаться разными теоріями, дѣлиться на разныя общественно-политическія партіи, но тѣмъ не менѣе у каждаго русскаго человѣка есть въ душѣ сокровенный тайникъ, въ которомъ живетъ завѣтное, прирожденное и неискоренимое чувство родственной любви и самоотверженной привязанности къ богоданному, вѣнчанному царю своему. И разъ дѣло касается священной особы государя, это чувство—тревожное иль радостное, горестное или восторженное—проявляется съ такой силой и съ такимъ единодушіемъ, которыя краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ, что у русскаго народа съ царемъ русскимъ — едино сердце, едина душа и что все сердце всей Россіи принадлежитъ ея Государю.

Такіе вотъ выдающіеся моменты переживаемъ мы сегодня. Приспѣлъ день свѣтлаго, вдохновляющаго и душу подъемлющаго торжества, живо и ярко напоминающій намъ великихъ созидателей и благодѣтелей Россіи, ея императоровъ и самодержцевъ Романовыхъ; насталъ день воспоминанія трехсотлѣтняго славнаго и гордаго прошлаго Россіи, память былого обновленія и богатырскаго возвеличенія нашего отечества подъ благословеннымъ скипетромъ Романовыхъ. Мысль о празднованіи этого знаменательнаго юбилея встрѣтила живѣйшій отголосокъ въ серд-

цахъ всего русскаго народа, и вотъ, сегодня мы—счастливые, радостные свидѣтели и участники неподдѣльнаго энтузіазма, мощнаго, восторженнаго подъема патріотической волны всего океана-народа русскаго. Вся обычная суета житейская сегодня забыта, устранена и всѣ сосредоточены на однихъ мысляхъ, въ единодушномъ порывѣ. Во всей стихійной силѣ своей всколыхнулись по лицу земли родной тѣ могучія чувства, которыми славится во всемъ мірѣ Божіемъ народъ русскій, эти драгоцѣнныя сокровища нашего духа — любовь къ царю и отечеству. Высокое и, такъ сказать, національное наслажденіе испытываетъ нынѣ всякій русскій человѣкъ въ сознаніи того, какихъ великановъ души, какихъ — не фантастическихъ-сказочныхъ, а дѣйствительныхъ, подлинныхъ богатырей духа святорусскаго имѣетъ онъ въ своихъ государяхъ, и какая громада силы и громада славы заложена ими въ жизнь нашего дорогого отечества! Воистину же ненапрасно такъ бьется нынѣ нервъ стомилліоннаго народа, и пускай міръ весь смотритъ, какъ русскіе люди умѣютъ чтить и любить своихъ государей!

Очи и серца всей необъятной семьи русской устремлены сегодня къ Тому, Кто самъ въ сердцѣ своемъ носитъ всю Россію. Отъ лица всей земли родной, привѣтственный юбилейный гимнъ славы несется нынѣ Государю нашему, Императору, Николаю Александровичу, Романову. Обожаемый народомъ своимъ, славный и за рубежемъ русской земли, Онъ есть залогъ счастія и благоденствія отечества; наша сердечная любовь и родственная привязанность, Онъ есть твердая опора Россіи и всего ея будущаго: въ Немъ всѣ лучшія чаянія наши и наша крѣпкая надежда. Поэтому русскій человѣкъ съ благоговѣйнымъ умиленіемъ смотритъ на законнаго, богоданнаго Царя своего, горячо и вседушевно молится не только за Него, а, можно сказать, и на Него. Молитва жъ всенародная доходчива, и мы уповаемъ на милость Божію къ отчизнѣ нашей и къ ея вѣнчанному Хозяину. Да укрѣпится же державная власть царей нашихъ на недвижимомъ камени любви народной, чтобы высоко, честно и

грозно сіяло имя царское—на страхъ злодѣямъ земли русской и на радость, счастье и защиту русскаго чувства, русской мысли, русскаго человѣка! Ограждаемый отъ всякаго зла святыней беззавѣтныхъ, вѣрноподданническихъ чувствъ нашихъ, да царствуетъ благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій Государь нашъ, Императоръ, Николай Александровичъ на благо и во славу Россіи—премногая-многая лѣта!

Если вся Русь нынѣ ликуетъ, то тѣмъ больше свѣтелъ и радостенъ праздникъ нынѣшній долженъ быть здѣсь, у насъ, въ стѣнахъ этого вотъ военнаго заведенія. Хоть и всѣ мы—люди царскіе, но воинство русское—это первые слуги и ближайшіе сподвижники, товарищи и единомышленники Государя, это мощная и надежная опора Его трона, вѣрные друзья и хоробрая Его дружина. Я не военный человѣкъ, но я горжусь моей многолѣтнею принадлежностью и, смѣю сказать, привязанностью къ этому, ставшему мнѣ роднымъ, заведенію военному. И, какъ товарищъ, какъ братъ, какъ русскій, наконецъ, человѣкъ,—съ праздникомъ привѣтствую Васъ, молодые друзья и старые товарищи, представители славнаго воинства русскаго! Съ праздникомъ—и всѣ представители разныхъ слоевъ русскаго общества, теперь и здѣсь наши гости дорогіе! Съ праздникомъ, вся родная, милая матушка наша, Русь Православная!

За цѣлыхъ триста лѣтъ именно намъ вотъ теперь пришлось праздновать такой день. Рѣдкій праздникъ! Торжество веліе и свѣтлое для насъ и у насъ! Ужъ именно нынѣ—„на нашей улицѣ праздникъ“!

ГОСУДАРСТ... ИСТОРИЧЕСК... БИБЛИОТЕКА

15) **Дни страданій Спасителя и память ихъ, совершаемая церковію православною.** Ц. 1893 г. Ц. 60 к.

16) **Святая четыредесятница и страстная седмица.** К. 1893 г. Ц. 80 к.

17) **Значеніе русской словесности въ національномъ русскомъ образованіи.** К. 1893 г. Ц. 70 к.

18) **Православіе, какъ единая въ мірѣ истинная и спасающая религія.** К. 1894 г. Публ. лекція.

19) **Россія—свѣточъ Православія.** К. 1894 г. Ц. 40 к.

20) **Православіе на Руси святой.** К. 1896 г. Ц. 40 к.

21) **Блаженной памяти Царя-Миротворца.** К. 1894 г. Ц. 20 к.

22) **Памяти проф. Каз. дух. Академіи Д. В. Гусева.** К. 1894 г.

23) **С. Я. Надсонъ и его поэзія „мысли и печали".** К. 1895 г. Ц. 1 р.

24) **Императоръ Александръ II-Освободитель въ памяти народа своего.** К. 1896 г. Ц. 50 к.

25) **На память о 50-лѣтнемъ юбилеѣ о. протоіерея А. П. Владимірскаго.** К. 1897 г. Ц. 40 к.

26) **Счастье человѣческое и его источники.** Изд. 2. К. 1898 г. Ц. 35 к.

27) **Свѣтлое Христово Воскресеніе и празднованіе его въ церкви православной.** К. 1897 г. Ц. 40 к.

28) **Идеализмъ, какъ насущная потребность настоящаго времени, и поэзія, какъ средство къ подъему идеализма.** К. 1897 г. Ц. 45 к.

29) **Хиротонія Преосвященнѣйшаго Антонія, епископа Чебоксарскаго, викарія Казанской епархіи и ректора Казанской духовной академіи.** К. 1897 г.

30) **Зеркало очевидное,** И. Т. Посошкова. Редакція полная. Ч. I. К. 1898 г. Ц. 2 р. Ч. II. К. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

31) **Значеніе Православія въ жизни и исторической судьбѣ Россіи.** К. 1898 г. Ц. 1 р.

32) **Православіе и Русь святая.** К. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

33) **Религія христіанская, какъ источникъ радостей и счастія человѣческаго на землѣ.** К. 1899 г. Ц. 50 к.

34) **Православное русское духовенство по мыслямъ и идеаламъ И. Т. Посошкова.** (Анализъ открытыхъ VII—IX главъ «Завѣщанія Отеческаго»). К. 1899 г. Ц. 50 к.

35) **Памяти въ Бозѣ почившаго Митрополита С.-Петербургскаго Палладія.** К. 1899 г. Ц. 25 к.

36) **Рождество Христово.** К. 1900 г. Ц. 35 к.

37) **О священной поэзіи православнаго христіанскаго богослуженія.** К. 1902 г. Ц. 45 к.

38) **Гоголь, какъ поэтъ и мыслитель-христіанинъ.** К. 1902 г. Ц. 50 к.

39) **Критическій отзывъ о кн. проф. А. Попова „Православно-русскіе акафисты".** К. 1904 г.

40) **Саровская пустынь. Ко дню прославленія Саровскаго подвижника о. Серафима.** К. 1904 г. Ц. 30 к.

41) **О иконоборцахъ, И. Т. Посошкова.** Полемическое сочиненіе противъ лютеранства. К. 1904 г. Ц. 1 р.

42) **Надъ могилой проф. А. А. Некрасова.** К. 1905 г.

43) **Протоіерей А. П. Владимірскій, бывшій ректоръ Каз. Академіи.** Некрологъ и рѣчи. К. 1906 г.

44) **Христіанская любовь къ людямъ, какъ основа жизненнаго благополучія.** К. 1907 г. Ц. 30 к.

45) **Гермогенъ, святѣйшій патріархъ всероссійскій, въ его самоотверженномъ служеніи бѣдствующему отечеству.** Казань. 1907 г. Ц. 35 к.

46) **Предсмертная бесѣда Господа Іисуса Христа съ учениками.** К. 1907 г.

47) **Житіе святаго Іоанна Златоуста.** К. 1907 г.

48) **Святитель Іоаннъ Златоустъ.** К. 1908 г. Ц. 30 к.

49) **Надъ гробомъ Архіепископа Димитрія** (рѣчь). К. 1908 г.

50) **Святитель-Молитвенникъ, Димитрій, Архіепископъ Казанскій, въ главнѣйшихъ фактахъ его жизни и по личнымъ о немъ воспоминаніямъ.** К. 1908 г.

51) **Значеніе храмовъ соборныхъ нъ исторіи и жизни русскаго народа.** К. 1912 г. Ц. 30 к.

52) **Благовѣщенскій каѳедральный соборъ въ Казани и его значеніе для православныхъ жителей казанскаго края.** К. 1912 г. Ц. 20 к.

53) **Россійскіе Императоры-Самодержцы третьяго столѣтія царственнаго рода Романовыхъ (XIX вѣкъ).** К. 1913 г.